

Булгакова О. А.

**ПОЛИСЕМИЯ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА КАК РЕЗУЛЬТАТ КАТЕГОРИЗАЦИИ
АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ
ГОВОРОВ)**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/17.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 39-41. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

мощью суффикса -ish необычайно легко образуются новые прилагательные, причем не только от основ существительного или прилагательного, но также и от целых словосочетаний, например:

dog-in-the-mangerish (Why are you so persistent about not wanting me to play a little? You are awfully *dog-in-the-mangerish*); *mountain out of molehill-ish* (It all sounds very mountain out of *molehill-ish* to me); *nine-to-fiveish* (Ted would have to do something *nine-to-fiveish*... in some awful agency...).

Таким образом, словообразовательная модель с суффиксом -у обладает большей частотой употребления по сравнению с суффиксом -ish, и образует слова на узуальном, семантическом уровне, в то время как прилагательные на -ish, хотя и менее частотны, обладают несомненной окказиональной природой, реализуя свое значение, как правило, на метасемиотическом уровне.

ПОЛИСЕМИЯ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА КАК РЕЗУЛЬТАТ КАТЕГОРИЗАЦИИ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ)

Булгакова О. А.

Кемеровский государственный университет

Многозначность языковых единиц представляет собой обобщенный способ хранения языковой и энциклопедической информации, регулярный характер полисемии делает ее удобной классификационной категорией. В результате становления антропоцентрической лингвистики, в которой человек мыслится не как безликая имманентная система, но как система, составляющая конститутивное свойство человека, внимание лингвистов сконцентрировалось на когнитивных аспектах языка. Особую актуальность и значимость приобрела задача, наиболее явно сформулированная В.Гумбольдтом и заключающаяся в необходимости «исследовать функционирование языка в его широчайшем объеме - не просто в его отношении к речи и к ее непосредственному продукту, набору элементов, но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия» [Гумбольдт 2000: 84].

Изучение полисемии производного слова с данных позиций позволяет решить две взаимосвязанные проблемы: проблему структуры представления знания в языке и проблему способов его категоризации в процессах построения и понимания языковых выражений. Полисемия на уровне языковой репрезентации представляет собой способ единиц лексикона иметь несколько взаимосвязанных значений, которые служат средством номинации различных явлений и дифференцируются в речемыслительной деятельности синтагматически и парадигматически. На ментальном уровне полисемия представляет собой механизм концептуализации знаний, результатом которого являются некоторые понятийные модели (концепты, категории, фреймы и т.д., находящиеся в отношениях семантической иерархии).

Применительно к функционированию языковой системы взаимодействие между языковыми и когнитивными структурами определяется принципом экономии. Усилия экономятся там, где проблемная область четко структурирована, а поведение регламентировано. Выявление фреймов и прототипов, связанных с полисемией производных слов, представляет собой один из способов экономии усилий, поскольку сводит практически любую уникальную ситуацию к стандарту, в котором воплощен предшествующий опыт человека.

Каждая языковая единица представляет собой концепт. Главная роль, которую играют концепты в мышлении, - это категоризация, позволяющая группировать объекты, имеющие определенное сходство. В свою очередь, концепт - это знание, структурированное во фрейм, а следовательно, он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности.

Так, мотивирующие глаголы лексико-семантической группы (ЛСГ) речевой деятельности в русских народных говорах могут быть объединены в шесть фреймов:

1) Мотивирующие глаголы фрейма «речевое общение» предполагают ситуации, которые могут быть репрезентированы в следующих пропозициях:

-V-(S)-(S-o): разговор, беседа (гу'тор₁ и гудо'р₁, лоскоту'ха₁, поговорка₁, разговорка₁);

-S-(V): болтливый человек (лалы'ка₂, лязга₁, обаку'ла₁, колоты'рка₂, колоты'рник₉, ля'сник₁, лязгу'н₁, мормоте'нь₂);

-R-(I)-(V)-(S): прибаутка, побасенка (погу'торка₂);

-S-V-(S-o): тот, кто спорит (брезготу'н₁, перегово'рщик₂);

-V-(S): болтовня (погово'ра₂, ля'зганье₁, лазотня');

-S-V-O: тот, кто говорит много пустого, любит поболтать (бреха'ла₁, враку'ша₂, вра'сья₂).

2) Мотивирующие глаголы фрейма «речевое воздействие» представлены такими глаголами, как лгать, клеветать, сквернословить, сплетничать, лстыть, насмехаться и т.п., которые могут быть репрезентированы в следующих пропозициях:

-S-(V)-(R)-(S-o): лгун, лгунья (огу'да₂, обаку'ла₂, бре'хала₂ и бреха'ла₂, колоты'рка₄, зга'льник₂, ощеу'льник₃), сплетник (осу'да₃, бре'хала₃ и бреха'ла₃, колотырка₃, переговорщик₁);

-V₁-(R)-(S)-(S-o)-(V₂): распоряжение, задание сделать что-либо (наря'да₁);

-S-(V)-(S-o): насмешник (зга'льник и згальни'к, ощеульник₁, оскомы'лда₂), лстыец (ля'са₂, обдалка₂,

лясник2);

-V-(R)-(S)-(S-o): клевета, оговор (оху'ла2, погово'ра3, огу'да1, осу'да2); порицание, осуждение (оху'ла1, осуда1); обман (облама'н1);

-R-(V)-I: болезнь от слова (осу'да1);

-I-R-(V)-(S): бранное слово (объя'в3, обакула3, лясник3);

-S-V-(S-o)-V: человек, прикидывающийся несчастным, чтобы разжалобить (плаку'да2).

3) Мотивирующие глаголы фрейма «речевое сообщение» предполагают ситуации, представленные следующими пропозициями:

-V-(S)-(O)-(S-o): объявление, сообщение (объя'в);

-V-(S-o)-(S): зов, приглашение (зва'ние1 и званьё'1);

-S-o-(V)-(S): приглашенные гости (зва'ние2, названь2);

-V-(S): краснбайство (погово'ра2);

-V-R-(S): сплетни (погово'ра3);

-S-(V): болтливый человек (ля'са3, бре'хала1 и бреха'ла1).

4) Мотивирующие глаголы фрейма «речевое выражение эмоций» прогнозируют ситуации, которые презентуются в следующих пропозициях:

-S-(V)-(I): крикун (зя'па2, пази'ла2, ерыка'ла2, брезготу'н1);

-I-(V): горло (крича'ла1), рот (зя'па1);

-S-(V): ворчун (ля'зга2 и лязга2', брезготу'н2, лязгу'н2, ерготу'н1, воркоте'нь2); плакса (плаку'да1);

-V-(S): ворчание (ля'зганье2, воркоте'нь1).

5) Мотивирующие глаголы фрейма «произнесение» задают ситуации, которые представлены пропозициями:

-S-(V)-(O): болтун (лалы'ка2, латы'нец2);

-S-(V)-(I): картавый человек (лалы'ка1, ерыка'ла1, латы'нец1), кто вяло и невнятно говорит (ля'зга3 и лязга'3); тот, кто говорит нечисто, не на родном языке (ерго'тун2 и ерготу'н3, мормоте'нь1);

-I-(V): губы (бубни'лка1).

6) Мотивирующие глаголы фрейма «обращение» объективируют ситуации, репрезентированные в пропозициях:

-I-R-(S)-(V): прозвище, бранное обращение (обзы'в2, обзы'вка2), название (зва'ние1 и званьё'1, на'звань1);

-V-(S)-(O): чтение молитвы (моли'тва1).

Прототипичной для ЛСГ глаголов речевой деятельности является ситуация речевого общения, представленная глаголами беседовать, болтать, поговорить, обратиться, обсудить, ответить, просить, совещаться и др. На периферии находятся ситуации обращения, произнесения, выражения эмоций, речевого сообщения. Наибольшее количество производных существительных от глаголов данной группы зафиксировано с севернорусских говорах (218 производных: обда'лка, ошеу'льник, оскомы'лда, немты'рь, ля'сник, погово'ра, лязгу'н и др.), меньше всего полисемантов отмечено в восточносибирских говорах (51 производное: ошеу'льник, разгово'рка, погово'р, посказа'тель и др.) и западносибирских говорах (68 производных: алю'сник, проку'дник, поре'чье и др.), срединное положение занимают среднерусские говоры (171 производное: ко'верза, баю'н, лала', каля'ка и др.) и южнорусские говоры (163 существительных: алалы'ка, лалы'ка и др.).

Анализируемые имена существительные реализуют такие валентности глагола, как субъект действия, действие, средство, результат, объект, субъект-объект, средство-результат. Во всех говорах преобладают субстантивы со значением действия, так как глаголы речевой деятельности - это субъектные глаголы.

Многозначные дериваты образуются в пределах валентной структуры производящего слова. На языковом уровне количество лексико-семантических вариантов (ЛСВ) определяется набором валентностей, репрезентирующих пропозиции. Чем больше валентностей мотивирующего концепта реализуется в рамках словообразовательного типа (СТ), тем больше возможностей для развития многозначности у производного деривата. В то же время разные ЛСВ многозначной лексемы могут реализовывать и одну и ту же пропозицию за счет конкретизации того или иного актанта. Например, в пропозиции «S-V-S-o» субъект дифференцируется по цели его воздействия на другого субъекта. В севернорусских говорах отмечены производные со значением субъекта, воздействующего на другой субъект с целью: польстить (ля'сник, ля'са), попросить что-нибудь (лязгу'н, колоты'рник), посмеяться над ним (ошеу'льник, оскомы'лда), поговорить с ним (колотня', погово'ра), пригласить его (зва'ние), поссориться с ним (колотня'), обмануть его (огу'да, бре'хала), сообщить, рассказать ему что-то (баю'н, ля'сник), осудить его (осу'да, перегово'рщик), выбрать его (обаку'ла, ля'сник), пообещать что-либо (обеща'лка), ответить ему (отве'стье); в среднерусских говорах: объявить, сообщить (объя'в), пригласить, назвать (зва'ние, обзы'в, на'звань), распорядиться (наря'да), совещаться (наря'да), поговорить (гу'тор, погово'рка), оговорить (колоты'рка), сглазить словом (осу'да), рассказать (баю'н), просить (ля'зга), обмануть (обаку'ла), льстить (обда'лка), насмеяться (ошеу'льник), попрекать (зае'да), спорить (колотня'), обещать (лебезда'); в южнорусских говорах: обмануть (враку'ша, зга'льник), рассказать (бою'н), пригласить, назвать (обзы'в, зва'ние), просить (колоты'рник), насмеяться (зга'льник), оговорить (поговора), осудить (осу'да), поговорить (гу'тор), льстить (лебезда'), спорить (перегово'рщик).

Характеристика субъекта во всех говорах может даваться и по действию, не направленному на другого

субъекта: воркотать - воркоте́нь (севернорус., среднерус.), вя́кала (среднерус.), заика́ться - немты́рь (севернорус.), картавить - ярыка́ла (среднерус., севернорус., восточносиб., урал.), латы́нец (среднерус.), косязычно говорить - лепету́н (восточносиб.), лалы́ка (южнорус.), говорить одно и то же - вя́кала (севернорус.), мало говорить - немты́рь (восточносиб., западносиб.), сквернословить - пази́ла (севернорус., южнорус., восточносиб., урал.), ерыка́ла (среднерус.), произносить часто - ажно́к (южнорус.).

Во всех исследуемых говорах синтаксические дериваты, образованные от глаголов речевой деятельности по пропозициям V-(S)-S-o; V-R-(S), V-(S)-(O) и др., дают характеристику действия по следующим параметрам:

честность

объя́в, обвеща́лка, отве́стье

интенсивно совершается

наря́да, погово́ра

постоянно осуществляется

погово́ра, разгово́рка, погово́рка

негативная характеристика действия

огу́да, осу́да, ля́зганье

нечестность

оху́ла, огу́да, облама́н

неинтенсивно совершается

осу́да, разгово́рка, ля́зганье

временно осуществляется

обзы́в, объя́в, наря́да, гу́тор

нейтральная характеристика действия

обзы́в, отве́стье, лоскоту́ха

Одно действие может характеризоваться по нескольким параметрам одновременно, например, объя́в (объявление, сообщение) - действие совершается честно, временно, содержит нейтральную характеристику.

Полисемия производного слова репрезентирует фреймовую организацию семантики, реализующую ту или иную концептосферу. Выбор деривационных маркирующих категорий носит системный характер и определяется уровнем развития частных словообразовательных систем разных говоров. Различия между словообразовательными системами говоров проявляются: а) в наборе словообразовательных типов, которые могут быть как общими для ряда говоров (СТ «Г+Ø», «Г+ун», «Г+л(а)», «Г+ник», «Г+к(а)»), так и специфичными (например, по СТ «Г+ец» анализируемые имена существительные образуются только в среднерусских говорах, а по СТ «Г+д(а)» - в севернорусских (оскомы́лда) и среднерусских говорах (плаку́да); б) в строевании семантических структур СТ. Каждый СТ имеет лексико-словообразовательные значения (ЛСЗ), которые могут быть как общими для нескольких говоров, так и единичными, присущими конкретной диалектной системе, что обеспечивает частичное совпадение семантических структур полисемантов разных диалектных систем.

Лексика говоров фиксирует наиболее важные компоненты картины мира. Система концептов, выявляемых в процессе исследования диалектной лексики, воссоздает некоторые особенности языкового мышления, ограниченного территориально и этнически. Изучение частных диалектных систем эксплицирует общее и специфическое в концептуализации действительности в языковых картинах мира диалектов и позволяет создать эталонную модель развития полисемии в русском языке. Таким образом, полисемия - это семасиономаσιологическая категория, в которой отражаются как универсальные свойства языка, так и идиоэтнические и национально-языковые особенности.

Список использованной литературы

1. Гумбольдт. В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 2000.

РИМСКИЙ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ КОД В ТВОРЧЕСТВЕ ЖЕРМЕНЫ ДЕ СТАЛЬ

Владимирова Т. Л.

Томский политехнический университет

Для конца XVIII - начала XIX вв. характерен устойчивый интерес Европы к Италии, к ее культуре, искусству, традициям. Для нескольких поколений европейских писателей Италия являлась обетованной страной с великолепными пейзажами и многочисленными памятниками искусства. Образы Италии и Рима возникают в творчестве Байрона, Гёте, де Сталь, Стендаля и др. Именно в западноевропейской литературе в конце XVIII - начале XIX вв. начал складываться уникальный римский интерпретационный код, в основу которого легли новые идеи и темы, оригинальные мотивы и образы, впоследствии воспринятые и в России.

Термин «код» вводит Р. Барт, анализируя рассказ Бальзака «Сарразин» [Барт: 28-33], Н. Е. Меднис использует понятие «интерпретационный код», говоря о флорентийской теме в русской поэзии XIX-XX вв.: этот код «задает стратегию выстраивания и восприятия всего, что пребывает в пределах флорентийского поэтического поля» [Меднис: 131]. Разные грани римского интерпретационного кода, как нам представляется, наиболее полно и ярко представлены в творчестве посетивших Италию и Рим Гёте [Владимирова: 239-245], Байрона, де Сталь и Стендаля. Впечатления писателей и поэтов о Вечном городе не только отражают их индивидуальные особенности восприятия, но и дают общее представление о Риме, формирующее римский интерпретационный код в европейской литературе.

Большая заслуга в формировании римского интерпретационного кода принадлежит французской писательнице Жермене де Сталь (1766-1817). Практически все ее произведения имели злободневный политический подтекст - «Размышления о роли страстей в жизни личной и общественной», «О литературе», «О Гер-